

*Х.С.Гафаров, доктор философских наук,
профессор; Ю.Ю.Гафарова, кандидат
философских наук, доцент*

МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНОСТЬ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В БЕЛАРУСИ

Мультикультурность как исследовательское понятие существует несколько десятилетий, т. е. является сравнительно новым концептом, хотя ситуация культурной множественности была реальностью для многих сообществ как результат сосуществования на едином пространстве людей, принадлежащих к различным этническим и языковым группам, традициям и конфессиям. В условиях глобализации эта ситуация, выступая в облике глобального культурного многообразия, подверглась необходимой рефлексии, что и породило различного рода теории, проекты и модели мультикультурализма. Их сторонники рассматривают мультикультурализм как гетерогенность современных обществ, а вместе с тем – как многосоставность и множественность существующих в них идентичностей. Акцент делается на повышении престижа каждой культуры путем подчеркивания равенства групп и предоставления всем равных возможностей публичного высказывания. Несмотря на идеологизацию и мифологизацию ряда мультикультурных проектов, само исследовательское понятие мультикультурности не утратило, на наш взгляд, своего эвристического потенциала.

Так, опираясь на идеи мультикультуралистов, мы можем сосредоточить свое внимание на проблеме изначального сосуществования на едином культурном пространстве Беларуси разнородных плюральных групп.

В ряде текстов, посвященных анализу специфики белорусской культуры (начиная от классического “Адвечным шляхам: дасьледзіны беларускага сьветагляду” Игната Абдираловича) [1], она предстает как культура коллажная и фрагментированная, сущностным образом дисперсная, в которой отсутствуют центр и периферия, а основой самоидентичности не является жесткое отграничение от Другого. В эпоху становления национальных государств, с возникновением проблемы теоретического осмысления идентичности, в белорусской интеллектуальной

культуре не произошло рефлексии и экспликации самоидентификации, основанной на подобных паттернах, в качестве полноценной. “Мягкая”, расплывчатая, конституирующаяся без агрессивной центрированности на Другом идентичность поставила как исследователей, так и носителей культуры перед необходимостью ее опознания и культурной легитимации. Сравнение своего регионального самоощущения с эффективным (и эффективным) национальным самопониманием, характерным для других локальных культур, выступило для белорусов не в пользу первого. Незамеченными остались такие особенности национального самосознания, как его неизбежная ограниченность, регрессивность, воскрешение фольклорных героев прошлого, мифов и т.д. Лишенность идеи нации стала осознаваться как некая сущностная обделенность белорусов, а нормой нарождающейся белорусской саморефлексии стал канон самовиктимизации.

В рамках же концепций мультикультурализма ситуация децентрализованной, “ризомной”, немонолитной культуры, включающей в себя множество групп с различными конвенциями и собственными смысловыми универсумами, находящимися в полилоге, т.е. культуры, создающей, охраняющей и открывающей пространство, на котором различные группы могут совместно развиваться, входить во взаимные интеракции и создавать возможность для совместимости, начинает выступать не просто в качестве нормы, но в качестве культурного образца.

С достаточной степенью уверенности историческое наследие Беларуси может быть охарактеризовано как позитивный опыт всеобщего принятия культурной множественности. Практически все традиционные для региона конфессии, этнические и языковые группы внесли значительный вклад в историческое становление и развитие белорусской культуры, формируя характерную для нее палитру ценностных связей, определяя образ мыслей и действий его жителей.

Характер белорусской мультикультурности, однако, принципиально отличается от таких признанных и исследованных моделей, как модель Соединенных Штатов, включающая культуры различных этнических и расовых групп и партиципальных сообществ; моделей Канады и Австралии, где существуют декларированные многоплоскостные формы добровольных контактов множественных групп, вынужденным образом оказавшихся в едином географическом пространстве и

предпринимающих попытку создания немонолитной культуры; и модели европейской, ориентированной на сосуществование ряда равноправных национальных культур. Специфика белорусского мультикультурализма может быть определена через имманентность для нее характеристик интер- и транскультурности.

В отличие от вышеописанных моделей белорусский мультикультурализм в значительной степени определяется фактором универсальной природно-географической, геостратегической и культурной пограничности, обеспечившей интеркультурное взаимодействие различных этнических и конфессиональных групп как равным образом диверсифицированных субъектов. Следуя трехчленной классификации французского исследователя Мишеля Вевёрка (Michel Wieviorka), выделявшего репродуктивную, принимающую и продуктивную модели мультикультурализма [5, с. 17–19], белорусскую модель следует определить как продуктивную. В отличие от “репродуктивного” мультикультурализма, явившегося результатом колонизации, и мультикультурализма “принимающего”, сложившегося как результат иммиграции, “продуктивный” мультикультурализм формируется тогда, когда общество само (внутренним образом) подвергается процессу диверсификации.

В эпоху модернизации продуктивная белорусская модель, явившаяся результатом плодотворных интеркультурных связей, претерпевает определенные изменения, превращаясь в явление транскультурное.

Сущность модерна как социальной системы, возникшей вместе с национальным государством и систематическим капиталистическим производством, задается глубокой укорененностью в нем структурно обусловленных конфликтов и напряженностей. Это вынуждает модерн к экспансии за пределы европейского культурного круга, к расширению сферы своего влияния и в конечном итоге к глобализации. Глобализация как расширение модерна ведет к тому, что современные формы жизни и производства покрывают весь земной шар; расширяясь, модерн везде “встречается” сам с собой.

Подобная “глобализация модерна” приводит к утрате аутентичных характеристик практически всех культур современного мира. В зависимости от собственной истории модернизации различными культурами – по-разному и в разной “конфигурации” – усваиваются установки модерна, которые накладываются на

собственные картины мира, этос, нормативные системы, идеалы и стереотипы модернизирующихся культур. Не делая эти культуры “европейскими”, эта “гибридность”, тем не менее, придает им ряд современных характеристик.

Эксплицируя эту специфику современных культур, известный немецкий философ В. Вельш (Wolfgang Ivers) описывает их как транскультурные образования [3, с. 119–144; 4, с. 31–47], т. е. как типологически сходные, не замкнутые в себе целостности, размытость границ которых с неизбежностью ставит их в реальную ситуацию постоянных взаимодействий – конфликтов, обмена и диалога.

Подобная трансформация характерна и для белорусской ситуации. “Встреча” в Новое и Новейшее время белорусского региона с европейской модерностью приводит к выборочному заимствованию культурой определенных черт современного социального устройства и завершает формирование характера белорусской ситуации как транскультурного.

Транскультурность усилила существенные черты белорусского мультикультурализма – децентрированность, открытость, ориентированность на взаимодействие множественных идентичностей, мультилингвизм, мультиэтнизм, мультиконфессиональность, высокую степень культурной рецептивности, интертекстуальность. Все это культурные характеристики, весьма востребованные в современном меняющемся мире. Однако в современной белорусской ситуации мульти- и транскультурность существуют, скорее, на уровне имплицитных культурных черт, чем на уровне культурных моделей. Между тем динамика современной мировой системы ставит перед белорусским обществом новые проблемы, решение которых требует создания рефлексивной модели мультикультурализма и транскультурности.

Активность информационных процессов к концу XX – началу XXI в. стала столь высокой, что возникла необходимость адаптации всей системы культуры к становящемуся глобальному информационному обществу. Важнейшим ресурсом постиндустриального социума оказывается не традиционное географическое пространство с закрепленными на нем физическими людьми и производственными мощностями, а интеллект, информация и финансы, не знающие материальных границ и легко перемещающиеся в виртуальном пространстве с помощью информационных технологий. В результате этих

перемещений формируется общее коммуникационное пространство, пронизывающее все культуры, с общепринятыми правилами, нормами и стереотипами коммуникации. Основными последствиями развития и распространения информационных технологий являются выделение во всех странах мира групп людей, связанных с информационными технологиями, и их обособление в глобальные автономные сообщества с собственными ценностями.

На волне глобализации и информатизации интегративные тенденции приобретаются и рядом ранее сложившихся групп, описывавшихся прежде как “субкультуры”, т. е. рядом групп, в которых место функциональных организационных критериев занимают “врожденные” свойства возраста, пола, религии или внешнего вида. Более того, появляются новые интегративные сообщества, объединяющие своих членов по профессиональным интересам, религиозным взглядам, досуговым пристрастиям либо протестному потенциалу. Диалог внутри групп подобного рода осуществляется по принципу совпадающих смысловых структур с общими стереотипами, оценками, едиными параметрами требуемого поведения, а участие в их жизни дает вовлеченным лицам возможность образования собственной когнитивной и коммуникативной компетенции, новых форм выражения и упорядочения времени, шанс на достижение хотя бы символического, но независимого социального признания.

Интегративные культуры становятся в настоящее время глобальными. Создавая новый социальный контекст, формируя идентичность и глубинные ценности своих членов, они выступают в качестве экспериментального поля изменяющегося общества.

Информационное общество оказывает влияние и на сам процесс становления идентичности. Значительно увеличивается возраст взросления. Молодые люди имеют достаточное количество досуга и автономии для того, чтобы отслеживать самую различную информацию со всех регионов мира. Это приводит к тому, что проблема конструирования собственной идентичности занимает в развитии современного молодого человека центральное место. Кроме того, активное участие в глобализационных процессах и в жизни одной из интегративных культур зачастую изменяет и идентичность взрослых. С каждым годом все большее количество людей в мире формируют свою идентичность как “двухвалентную” (термин польского исследователя Антонины Клосковской) (Antonina Kłoskowska [2, с. 5–17]), являющуюся соединением идентич-

ности локальной и идентичности, связанной с глобальной культурой.

Кроме того, факт взаимовлияния различных этнических культур уже не является исключительной чертой обществ и государств, обладавших колониями или возникших благодаря наплыву иммигрантов со “старого континента”. Объединение Европы, присоединение к европейскому сообществу посткоммунистических стран, волны трудовой иммиграции по всему миру – все это сделало культурные взаимовлияния фактом мировой реальности, требующим анализа и осознания.

Ситуация эта касается и Беларуси. На поле белорусской мульти(транс)культурности появляются новые “игроки”, которые должны учитываться при рефлексивном развитии белорусской мультикультурной модели.

Таким образом, в условиях глобализации Беларуси необходимо и далее развивать собственную модель мульти(транс)культурности, включая в нее в качестве социально толерируемых и новые социальные, этнические, религиозные и культурные группы. Это означает, что необходимо расширять пространство различной культурной практики, предоставляя тем самым индивиду право выбора собственной идентичности. Только такие стратегии способны решить проблему индивидуальной идентичности человека в “большом” меняющемся мире.

В новой ситуации рефлексивная модель должна быть направлена на экспликацию глубинных ценностных и нормативных установок белорусской мульти(транс)культурности, сохранение лучшего из культурного наследия региона, пропаганду сознательных интеракций индивидуумов, которые бы вписывались в традиционно очерченную модель неконфронтационных действий, т.е. в схему диалога и совместного строительства сообщества, основанного на взаимоуважении и сотрудничестве.

Кроме того, дальнейшее развитие белорусской мульти(транс)-культурной модели во многом зависит от уровня и качества образования граждан, от их знания правовых, религиозных и этических норм и постулатов, регулирующих отношение к Другому, от умения учитывать эти знания в повседневной и профессиональной деятельности, от способности на уровне индивидуальных взаимодействий участвовать в межкультурном и межрелигиозном диалоге с другими социальными группами. Педагогическая и образовательная системы должны считаться с

ситуацией глобализации и ориентироваться на такую образовательную модель, которая будет готовить учащихся к жизни в обществе различий.

1. *Абдзіраловіч, І.* Адвечным шляхам: дасьледзіны беларускага сьветагляду / І.Абдзіраловіч. – Мн.: Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.

2. *Kłoskowska, A.* National identification and the transgression of national boundaries / A.Kłoskowska // Dialogue and Humanism. – 1993. – № 4. – S. 5–17.

3. *Welsch, W.* Auf dem Weg zu transkulturellen Gesellschaften / W.Welsch // Die Zukunft des Menschen – Philosophische Ausblicke / Hrsg. v. Gunter Seubold. – Bonn: Bouvier, 1999. – S. 119–144.

4. *Welsch, W.* Tożsamość w epoce globalizacji – perspektywa transkulturowa / W.Welsch // Estetyka transkulturowa / red. Krystyna Wilkoszewska. – Kraków: Universitas, 2004. – S. 31–47.

5. *Wieviorka, M.* Culture, societe et democratie / M.Wieviorka // Une societe fragmentee. Le multiculturalisme en debat. – Paris: Editions la decouverte, 1996. – P. 17–19.

БИБЛИОТЕКА